

Подготовка рабочих кадров Тульского оружейного завода в первой четверти XIX в.

Круг исследований, посвященных проблеме снабжения войск оружием в период Отечественной войны 1812 года, довольно широк. Историки, обращавшиеся к данной теме, единодушны в выводах относительно вклада тульских оружейников в победу над наполеоновской Францией. Проведенный в их работах анализ производительности имевшихся в те годы в России оружейных заводов: Тульского, Сестрорецкого и Ижевского — позволил утверждать, что задача обеспечения армии стрелковым оружием решалась тогда преимущественно вследствие интенсификации деятельности Тульского оружейного завода, выпуск продукции которого значительно превышал аналогичные показатели двух других заводов¹.

Однако далеко не все аспекты этой проблемы подверглись изучению в равной степени. Одним из наименее исследованных остается вопрос уровня подготовки кадров отечественной оружейной промышленности в данный период, являвшийся одним из определяющих условий деятельности вышеупомянутых предприятий. И наибольший интерес, в соответствии с вышесказанным, представляет Тульский оружейный завод.

Для уяснения данного вопроса важно установить основы организации обучения оружейному делу, характерные для этого предприятия. Документы заводского делопроизводства, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС), Государственном архиве Тульской области (ГАТО), позволяют утверждать, что в исследуемый период на Тульском оружейном заводе подготовка рабочих кадров осуществлялась посредством ученичества, которое представляло собой вполне сложившуюся систему. В основу этой системы был положен более чем двухвековой опыт обучения ремеслу детей из семей оружейников непосредственно их отцами.

Исторические предпосылки ученичества в том его виде, в котором оно существовало накануне войны, выявляются уже на раннем этапе зарождения казенного оружейного производства в Туле. Однако более конкретные черты они принимают в первой половине XVIII в., когда, стремясь обеспечить быстро развивавшееся оружейное дело достаточным числом мастеров, правительство в 1737 г. издало указ, в соответствии с которым было запрещено брать с оружейников рекрутов. Взамен они были обязаны поставить к оружейному делу учеников и содержать их три года «на своем коште», т.е. без дополнительной платы от казны, а соответствующие расходы покрывать их ученической работойⁱⁱ.

Идея замены рекрутства оружейников ученичеством при надлежала лейб-гвардии Семеновского полка капитан-поручику барону фон Албедилло (по некоторым источникам—Албединуⁱⁱⁱ), который в 1736 г. был направлен на Тульский оружейный завод для выяснения причин низкой производительности и установил, что некоторые виды работ не исполняются в необходимом объеме, главным образом «за малолюдством». Для решения этой проблемы он предложил «рекрут... с оружейников не брать, но заменить в оружейные и шпажные ученики»^{iv}.

Указ 1744 г. конкретизировал отдельные аспекты заводского ученичества. В соответствии с этим указом всем детям мужского пола, достигшим 12 лет, следовало приступить к изучению одной из оружейных специальностей под руководством отца, а сиротам — любого другого родственника.

Срок обучения был ограничен тремя годами. Однако на практике он мог быть как длиннее, так и короче, что определялось способностями ученика и ответственностью мастера. В указанные выше сроки обучение завершал лишь мастер «искусный и поведения хорошего, к работе усердный». Но поскольку таких было меньше половины, продолжительность обучения часто увеличивалась, и из учеников выходили «посредственные и худые мастера»^v.

Сирот же обычно отдавали в обучение на 5—6 лет с тем, чтобы мастер за последние 2-3 года мог компенсировать его квалифицированным трудом средства, потраченные на еду и одежду ученика.

Разумеется, указ лишь узаконил практику обучения мастеровыми собственными детьми, сложившуюся естественным образом. Более того, на момент выхода указа на заводах имелись случаи зачисления в состав казенных оружейников мастеровых моложе 15 лет^{vi}. Учитывая, что продолжительность обучения составляла три года, можно рассматривать данный указ как средство ограничения возраста малолетних, приступавших к самостоятельной работе на государственных оружейных заводах. Известны несколько указов, обязывающих мастеров обучать

оружейному делу своих детей, что свидетельствует о настойчивом стремлении властей увеличить численность мастеровых оружейных заводов за счет естественного прироста местного населения. Вероятно, эти указы являлись следствием недостаточного внимания мастеров к подготовке подрастающего поколения оружейников. Подтверждением этому служит подобный указ от 25 июня 1782 г., который грозил за неисполнение занесением в штурцерную книгу^{vii}.

Вследствие заинтересованности государства в увеличении численности оружейных мастеров в ученики позволялось принимать не только детей, но и взрослых родственников, что освобождало их от зачисления в рекруты. Свидетельством этому служит прошение 1735 г. тульского оружейника Меховника на высочайшее имя об освобождении его сына Куприяна от отдачи в солдаты и зачислении в оружейное сословие. Сын его ранее, после смерти матери, был отдан на воспитание посадскому человеку, но теперь оружейник хотел бы обучить его своему мастерству. Ответ на прошение был получен положительный^{viii}.

Отдельно следует рассматривать ученичество при участии иностранных мастеров, приглашенных служить по контракту. Вначале к иностранцам было принято ставить в обучение взрослых мастеровых. Однако было замечено, что мастеровые крайне неохотно перенимали предлагаемые им новые приемы изготовления оружия. Следствием этого стало принятое Кабинетом министров решение не определять в обучение к иностранцам русских мастеровых, что было мотивировано следующим образом: «понеже они старое свое обыкновение не отменяют». Малолетние же ученики, по мнению Кабинета, «наилучше мастерство примут»^{ix}.

К сожалению, не обнаружено сведений, по какому принципу происходил отбор учеников к этим мастерам. Несомненно, при ответственном отношении иностранного мастера к обучению, что имело место не всегда, поступление к нему в ученики давало возможность получить гораздо более высокую квалификацию по сравнению с существовавшей в данной специальности на заводе. Логично предположить, что в обучение к иностранцам чаще попадали сироты, так как вряд ли опыты отдавали сыновей в обучение на сторону, учитывая, что их помощь в собственной мастерской позволяла в определенной мере увеличить доход семьи. Следует отличать заводских учеников от так называемых школьников — солдатских детей, также находившихся в ученичестве на государственных оружейных заводах, но подготавливаемых для нужд армии — в мастера по ремонту оружия в войсках. Ученичество школьников было введено на заводах указом 1737 г. и преследовало цель сохранения комплекта мастеровых путем прекращения их командирования в полки для ремонта оружия. Указ предписывал посылать на заводы из школ солдатских детей по 100 человек для обучения слесарному и кузнечному мастерству с последующим направлением в войска успешно обучившихся^x.

Отдельную категорию учеников представляли крепостные, купленные претендующими на выход в купечество оружейниками и обучаемые ими на собственные средства. По окончании обучения их зачисляли в казенные оружейники взамен выпускаемых «в промышленники», что было предусмотрено указами 1737 и 1739 гг.^{xi} Однако в 1760 г. покупка крепостных оружейникам была запрещена. Тем не менее условие при выходе в купечество поставлять вместо себя обученного мастера, причем со всеми необходимыми инструментами, сохранилось^{xii}.

Отличной от других категорий заводских учеников были рекруты. Они могли быть обучаемы как для войсковых ремонтных мастерских, так и для пополнения заводского штата^{xiii}.

Число учеников не было стабильным. Если в конце XVII в. дефицит мастеров-оружейников стал причиной появления указа, предписывавшего принимать в тульскую оружейную слободу всех желающих и определять их в обучение к лучшим мастерам^{xiv}, то в 1737 г. при ГОС числилось уже 486 учеников, что составляло более 40% от общего числа мастеров, молотобойцев и работников. Это соотношение было зафиксировано соответствующим указом и утверждено в штате завода^{xv}.

Овладение мастерством завершалось переводом ученика в мастера «на задельные деньги», т.е. на сдельную оплату труда. Зачисление на задельные деньги совершалось по указу из Оружейной канцелярии, где рассматривались челобитные кандидатов в мастера, их аттестаты, а также рапорты из заводского правления о том, что будущие мастера своему ремеслу «обучились в совершенстве». Право состоять на задельных деньгах получали оружейники, имевшие дома, нужные инструменты и кузницы (необходимость последних определялась

специальностью мастера). О наличии этого имущества сообщал сам челобитчик, и эти сведения подтверждались в аттестатах и рапортах.

Форма приказа из Оружейной канцелярии была следующей: «Как означенные оружейники по прилежности своей обучались делу казенных оружейных вещей... и сверх того по выдумке своей сделали объявленные вещи, каковых донныне в Туле никем делано не было, того дня быть им на задельных деньгах... коим в верности е.и.в. в тульском Успенском соборе присягу учинить и потом с прочими мастерами в списки написать»^{xvi}.

Образцовые вещи, сделанные «по усердному старанию и по выдумке мастеров», были различны, но преобладало, естественно, оружие: граненые винтовальные стволы, «отменной работы» замки на «шведский, английский и шпанский (испанский. — *Е.Д.*) манер» и инструменты — метчики, тиски и др. Очень часто изготавливали бытовые вещи: секретные замки «с литерами», чернильницы, подсвечники, ножницы, печати и т.п., а также «куриозное оружие»: палаш и пистолет вместе, «палаш и при нем два малых ствола для выстрела» ит.д.

Некоторые оружейники украшали свои изделия «гранеными камнями» — стальными бусинами в бриллиантовой огранке. Так, порезной ученик Е.Т. Плеханов представил «цепочку с гранеными камнями», приборный отделщик И.П. Земцов — «медный прибор с гранеными камнями и железный медальон, насеченный золотом и серебром», а приборный отделщик Г. Зафатаев указал, что «делает граненые камни, медальоны разных сортов, перстни и пуговицы»^{xvii}.

Особо ценились предметы, имеющие признаки «инвенции», т.е. представляющие собой нечто особенное с конструктивной или художественной точки зрения. Примером такого изделия может служить представленный в 1780 г. Родионом Гавриловым на рассмотрение Оружейной канцелярии фузейный «двупульный ствол в котором состоит одна затравка и стрелять может в один раз». Согласно этому описанию, мастер предлагал в качестве аттестационной работы оружие, являвшееся прообразом магазинной винтовки, получившей распространение лишь в последней четверти XIX в. Во второй половине XVIII в. подобные системы являлись крайней редкостью^{xviii}.

Еще один пример подобной инвенции — фузею в ореховой ложе с прибором, выполненным из рога, «каковой до него в Туле делано не было», представил в том же году каменщик гончарной слободы Андрей Егоров, который самостоятельно изучил дело изготовления лож^{xix}. В рапорте особо подчеркивалось, что «все ему аттестат дают», т.е. отличие от других кандидатов в мастера, которым было достаточно в соответствии с существующими правилами представить один аттестат-поручительство, мастерство А. Егорова подтверждали многие мастера. Это, с одной стороны, свидетельствует об исключительном мастерстве аттестуемого, с другой — об исключительности ситуации, когда без содействия представителей оружейного сословия, т.е. без прохождения этапа ученичества, сформировался зрелый мастер.

Наиболее интересные вещи, сделанные «по выдумке или инвенции» приобретали за некоторую плату и оставляли на хранение «с прочими таковыми вещами с подписью кем и когда сделано, и что за них выплачено». Если же «выдумка была и не важна», ее возвращали мастеру^{xx}.

В 1809 г. была предпринята попытка систематизировать опыт ученичества как способа подготовки кадров оружейной промышленности, что, прежде всего, проявилось в стремлении проанализировать возрастной уровень обучаемых и сроки обучения.

Полученные Военным министром сведения позволили составить следующую картину. Обучение изготовлению стволов занимало 3—4 года, замков — 2—3 года, ружейных приборов — 1—2 года, лож — 2-3 года, холодного оружия — от 6 месяцев до 1,5 лет. На основании этого было принято решение определить максимальные сроки для обучения: ствольному делу — 4 года, замочному и ложевому — по 3 года, приборному — 2 года, делу белого оружия — 1,5 года. Не удостоенные звания мастера по истечении этих сроков следовало отдавать в молотобойцы на заводе или в арсеналы^{xxi}.

При определении возраста обучаемых было учтено их физическое развитие, так как многие виды работ требовали приложения значительных физических усилий. Так, об учениках заварки и отделки канала ствола говорилось следующее: «Здорового и видного сложения тела может начать учиться с 17 лет, дабы мог иметь довольно силы владеть молотком с довольном понятием и желанием при хорошем мастерстве от 3-х до 4-х лет может выучиваться». При сравнении этого определения с характеристикой учеников обтирки замка, а именно: «такового же сложения тела может начать учиться лет с 15 и при хорошем мастере с довольном усердием выучивается от 2-х до 3-х лет», можно сделать вывод, что при определении в ученики учитывалось и интеллектуальное развитие подростка, гарантией

которого служил его возраст. В цехе белого оружия учиться рекомендовалось с 17 лет, в приборном и ложевом — с 15 лет^{xxii}.

Таким образом, произведенный анализ имеющихся в то время данных позволил авторам разработанных предложений прийти к выводу, что начальный возраст обучения, определенный указами, а именно 12 лет, не соответствовал задачам, решаемым ученичеством.

Следует заметить, что предложение о пересмотре возрастных рамок ученичества не могло быть воплощено в жизнь прежде всего потому, что имело мало общего с реальностью. На практике дети оружейников с раннего возраста приобщались к делу отцов, посильно помогая им в домашних мастерских. Естественным было стремление определить сына в казенные оружейники, т.е. на задельную плату, как можно раньше. Возможность освоить ремесло в 21 год, приступив к обязательному обучению только в 17 лет, негативно сказалась бы на материальном положении мастеров.

Тем не менее стремление пересмотреть основные положения ученичества, являвшегося главным источником комплектования заводского штата, свидетельствует, что в своем развитии это явление к началу XIX в. преодолело этап становления и достигло, таким образом, уровня, необходимого для успешного решения Тульским оружейным заводом задачи обеспечения армии стрелковым вооружением в период Отечественной войны 1812 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. М.: Наука, 1973. С. 227-280.

ⁱⁱ Бранденбург Н. Тульский оружейный завод в 1756 г.: По документам архива старых дел при Санкт-Петербурге, арт. музей: Дела Штаба Генерал-Фельдцейхмейстера 1756 года // Оружейный сборник. 1882. № 3. Отд. III. С. 23-24; Орфеев А.Л. История Сестрорецкого Оружейного завода, Период второй (продолжение) 1735—1756: Прием Сестрорецких заводов генералом Де-Геннином из адмиралтейства (ПСЗ № 6804,6770) 1735 г. // Оружейный сборник. 1900. № 3. Отд. II. С. 36; Исторический очерк развития оружейного дела на Сестрорецком заводе // Оружейный сборник. 1890.-№ 1.Отд. 1.С. 15.

ⁱⁱⁱ РГВИА. Ф. 5. Оп. 1/72. Д. 930. Л. 15.

^{iv} Маслов А. Г. Вильгельм де Геннин и восстановление производства вооружения на Тульском оружейном заводе во второй половине 30-х годов VIII в. // Из истории металлургии и металлообработки в Тульском крае: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. И.Н. Юркин. Тула: РАРУС, 1994. С. 12-13; История Ижевского оружейного за вода // Оружейный сборник. 1897. - № 4. Отд. II. С. 184.

^v ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 636. Л. 2 об.

^{vi} Бранденбург Н. Сестрорецкий завод в первой половине XVIII столетия: Материалы для истории оружейных заводов в России // Оружейный сборник. 1882. № 3. Отд. III. С. 18.

^{vii} ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 636. Л. 1-2.

^{viii} Там же. Л. 2 об. Д. 22. Л. 1-2.

^{ix} Орфеев А.П. Указ. соч. С. 30.

^x Там же. С. 36.

^{xi} Бранденбург Н. Материалы для истории тульского оружейного производства//Оружейный сборник. 1881. №1. Смесь. С. 12; Исторический очерк развития... С. 17.

^{xii} Зыбин С.А. История Императорского Тульского оружейного завода // Оружейный сборник. 1900. № 1. Отд. 1. С. 31, 35-36.

^{xiii} Фирсанова Н.Ф. К истории сословия тульских казенных оружейников в период кризиса крепостничества // Рабочие оружейной промышленности в России и русские оружейники в XIX — начале XX в. / Под ред. В.В. Мавродина. Л., 1976. С. 20.

^{xiv} Зыбин С.А. Указ. соч. С. 50.

^{xv} Бранденбург Н. Материалы для истории оружейного дела в Туле (1720—1742 год) // Оружейный сборник. 1891. № 4. Отд. I. С. 16; Зыбин С.А. Указ. соч. С. 34.

^{xvi} ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 189. Л. 1-15.

^{xvii} Трутнева Н.Ф. Организация ученичества тульских оружейников в XVIII - первой половине XIX в. // Из истории металлургии и металлообработки в Тульском крае. С. 16.

^{xviii} ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 189. Л. 4.

^{xix} Там же. Л. 30.

^{xx} Там же. Д. 1761. Л. 36.

^{xxi} Исторический очерк развития... С. 15; ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 636. Л. 1-1об.

^{xxii} ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 636. Л. 2-2об.